

Ю. А. БЕЛЬЧИКОВ

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XIX—XX вв.

Современная наука развивается под плодотворным идейно-теоретическим и организующим влиянием ленинизма. Учение В. И. Ленина является философской базой разработки фундаментальных мировоззренческих проблем современного естествознания и обществоведения, теоретической основой исследований в области гуманитарных наук. Будучи верным, надежным ориентиром и базой в решении общетеоретических вопросов современной языковедческой науки, ленинские труды служат фундаментом и для разработки тех отраслей языкознания, которые связаны с экстралингвистическим аспектом, с функциональной стороной развития языка, а также таких языковедческих проблем, которые требуют рассмотрения в историческом аспекте.

В трудах В. И. Ленина содержится ясная, строго аргументированная, принципиальная программа исторического исследования фактов и явлений из социальной сферы жизни и классические образцы их диалектико-материалистического анализа и истолкования.

Принцип историзма предполагает анализ явлений в их развитии и взаимодействии друг с другом, максимальный учет всех фактов, относящихся к разбираемой проблеме. При этом имеется в виду — как постоянное условие всякого исследования фактов общественной жизни — конкретно-историческое освещение фактов и явлений, существующих и развивающихся в определенных условиях, в определенной ситуации. «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»¹.

В. И. Ленин много внимания уделяет важнейшим методологическим вопросам изучения общественной жизни. «Но как собрать факты? как установить их связь и взаимозависимость?» (т. 30, стр. 350), — спрашивает В. И. Ленин в «Статистике и социологии», направленной против политических спекуляций на произвольно надерганных фактах. И отвечает: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только „упрямая“, но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже...

Вывод отсюда ясен: надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, стр. 329. Впредь при цитировании сочинений В. И. Ленина в тексте в скобках указывается том и страница.

факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникает подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится „субъективная“ страшица для оправдания, может быть, грязного дела» (т. 30, стр. 350, 351). «... марксист должен учитывать... точные факты действительности» (т. 31, стр. 134), — настаивает В. И. Ленин в «Письмах о тактике».

В. И. Ленин утверждает диалектико-материалистический принцип конкретно-исторического и всестороннего анализа социальных явлений.

Он неоднократно подчеркивает, что объект исследования необходимо рассматривать в развитии («марксизм учит нас рассматривать всякое явление в его развитии» — т. 12, стр. 293²), всегда ставить его в контекст связанных с ним фактов и явлений. «Диалектика Маркса, будучи последним словом научно-эволюционного метода, запрещает именно изолированное, то есть одностороннее и уродливо искаженное, рассмотрение предмета» (т. 26, стр. 241). При этом В. И. Ленин ориентирует исследования на глубокое, вдумчивое изучение фактов и явлений действительности, учит «не довольствоваться одним поверхностным очертанием» (т. 12, стр. 293), настаивает на трезвой, реальной оценке наблюдений общественной жизни³. «Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, — пишет В. И. Ленин, полемизируя с либеральными народниками, — когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений?» (т. 1, стр. 144).

Диалектико-материалистический принцип историзма имеет главенствующее значение для изучения исторического развития литературных языков (как и всякого исторического исследования). Не случайно, что при всех положительных результатах изучения истории русского литературного языка XIX — начала XX в.⁴ подлинно научные методологичес-

² Ср. сформулированное В. И. Лениным в работе «Крах II Интернационала» требование к научному исследованию рассматривать современное состояние явления в связи с его предшествующим развитием: «Самое первое и основное правило научного исследования вообще, марксовской диалектики в особенности, требует от писателя рассмотрения связи теперешней борьбы направлений в социализме... с той борьбой, которая шла перед этим целые десятилетия» (т. 26, стр. 243—244).

³ При исследовании общественных явлений В. И. Ленин требует называть «вещи своими именами» (т. 1, стр. 258), «точно и прямо охарактеризовать действительность» (т. 1, стр. 210).

⁴ Об этом см.: В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке, «Уч. зап. [МГУ]», 106, III, 1, 1946; его же, Основные проблемы изучения и развития древнерусского литературного языка, в кн.: «Исследования по славянскому языкознанию», М., 1961; С. П. Обнорский, Разработка русского языка за 25 лет, ИАН ОЛЯ, 1944, 1. Ср.: С. И. Бернштейн, А. А. Шахматов как исследователь русского литературного языка, в кн.: «Академик А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка», М., 1944; В. В. Виноградов, История русского литературного языка в изображении акад. А. А. Шахматова, «Филологич. преглед», Beograd, 1964, 3—4; З. С. Медведова, К вопросу о происхождении и основе русского литературного языка (О взглядах акад. А. А. Шахматова), «Уч. зап. [МГИИ им. В. И. Ленина]», 148. Русский язык, 10; С. Г. Бархударов, О «Мысли об истории русского языка» И. И. Срезневского, в кн.: И. И. Срезневский, Мысли об истории русского языка, М., 1959; В. И. Боровский, Е. Ф. Карский как историк русского языка и палеограф (1861—1931), «Изв. АН БССР», 1951, 4; М. В. Каникава, Взгляды В. И. Даля на развитие русского литературного языка первой половины XIX века, «Труды Тбилисского пед. ин-та», 10, 1955; П. Я. Черныш, Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период, М., 1956, стр. 3—18. См. также: С. К. Булич, Очерк истории языкознания в России, I, СПб., 1904; И. В. Ягич, История славянской филологии, СПб., 1910.

кие принципы и теоретические основы эта отрасль языкознания приобретает лишь в советское время на путях освоения и применения к конкретному материалу марксистско-ленинской теории. Как отмечает В. В. Виноградов, «в связи с обострением интереса к образованию национальных культур и формированию новых наций, национальных письменностей и национальных языков в пределах Советского Союза осуществляется новый синтез на основе философии марксизма-ленинизма таких областей общественных наук, как история, языкознание и литературоведение».

Именно на почве такого взаимодействия и объединения быстро вырастает и плодотворно развивается такая отрасль лингвистики, как история литературных языков. Прежде всего научное движение в новом направлении начинается с истории русского литературного языка⁵. В исследовательской практике не все понятия литературного языка раскрыты и уточнены, не во всех работах последовательно осуществляется исторический подход как к процессам развития литературных языков, в частности русского литературного языка, так и к категориям литературного языка и соотношениям между ними⁶.

В соответствии с началами марксистско-ленинской методологии история русского литературного языка, как и всякого литературного языка, а также теория его изучения строится на основе конкретно-исторического подхода к вопросам закономерностей его эволюционного развития с учетом всех экстралингвистических факторов его существования. Изложение и разработка основных принципов исторического изучения литературных языков представлена в книге В. В. Виноградова «Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития»⁷.

*

Труды В. И. Ленина, его учение о развитии народности и нации, разработка В. И. Лениным кардинальных вопросов проблемы «язык и нация», учение о культуре, глубокое проникновение в своеобразие исторического развития России, учение о печати и публицистике являются основой лингвистического исследования центральных вопросов истории литературных языков, в том числе и русского литературного языка, таких, как периодизация их эволюционного развития, роль народно-разговорной речи и диалектов, художественной литературы и публицистики, отдельных писателей и публицистов в истории конкретного литературного язы-

⁵ В. В. Виноградов, Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития, М., 1967, стр. 130. Ср.: «В советское время, можно сказать, заново создана такая дисциплина, как история литературного языка, а также лингвистика (прежде всего благодаря работам В. В. Виноградова, у которого появилось много последователей)» (Ф. П. Филин, Пятьдесят лет советского языкознания, ИАН ОЛЯ, 1967, 5, стр. 449).

⁶ См. об этом, например: В. Иванов, Обсуждение вопросов формирования русской народности и нации, ВЯ, 1954, 3; В. Д. Левин, Новые книги по истории русского и украинского литературного языков, ВЯ, 1959, 3; А. В. Исаченко, К вопросу о периодизации истории русского языка, «Вопросы теории и истории языка. Сб. в честь проф. Б. А. Ларина», Л., 1963; Н. А. Катагощина, Исторические предпосылки развития французского письменно-литературного языка; сб. «Язык и общество», М., 1968; В. В. Виноградов, Проблемы литературных языков... (глава вторая); его же, О новых исследованиях по истории русского литературного языка, ВЯ, 1969, 2.

⁷ Ср.: «Вопросы советской науки. Проблема образования и развития литературных языков», М., 1957; Р. А. Будагов, Литературные языки и языковые стили, «Высшая школа», М., 1967.

ка, проблема национального языка и его становления, а также некоторых частных вопросов истории русского литературного языка.

Одна из центральных проблем истории литературных языков, в частности русского языка — периодизация.

Мысли В. И. Ленина относительно исторического развития России в поздние средневековые и о консолидирующей роли языка в ходе развития рыночных отношений, его оценка места Пушкина и Горького в истории русского литературного языка служат основными методологическими ве-хами в разработке ее периодизации.

В работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» содержится ценнейшее указание о времени и условиях начального периода становления русского языка как языка русской нации: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое... оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок» (т. 1, стр. 153—154). В статье «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин говорит о связи процессов формирования национального языка с развитием капиталистических отношений в стране: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем» (т. 25, стр. 258—259). Эти положения В. И. Ленина имеют общетеоретическое значение. Здесь определены условия формирования наций и национальных языков в досоциалистический период, в условиях зарождения и развития капиталистических отношений.

Указания В. И. Ленина своим сотрудникам относительно организации работы над словарем современного русского языка и о хронологических рамках материала для этого словаря определяют важнейший период в истории русского литературного языка и одно из центральных ее понятий «современный русский язык».

«Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького» (т. 51, стр. 122), — пишет В. И. Ленин А. В. Луначарскому 18 января 1920 г. 5 мая того же года в записке М. Н. Покровскому: «... словарь, так сказать, классического, современного русского языка (от Пушкина до Горького, что ли, примерно)» (т. 51, стр. 192). Ср. в записках Е. А. Литкенсу: «Забыл при свидании просить Вас проверить, как стоит дело с комиссией ученых, составляющих словарь (краткий) *современного* (от Пушкина до Горького) русского языка» (т. 52, стр. 178). «2) Задание — краткий (*малый* «Лярусс» образец) словарь русского языка (от Пушкина до Горького). Образцового, современного. По новому правописанию» (т. 52, стр. 199).

Нужно сказать, что в начале нашего столетия, когда разработка вопросов истории русского литературного языка была в «хаотическом со-

стоянии» (по определению В. В. Виноградова⁸), эпохальное значение языка Пушкина для развития русского литературного языка осознано не было, хотя и признавалась его выдающаяся роль в этом развитии, наряду с Петром I, Ломоносовым, Карамзиным. Е. Будде посвящает Пушкину специальную работу — «Опыт грамматики языка А. С. Пушкина» (Спб., 1901—1904). В своем «Очерке истории современного литературного русского языка (XVII—XIX век)»⁹ он отводит большое место влиянию Пушкина на общее направление развития литературного языка, наряду с влиянием Ломоносова, Карамзина и Тургенева. А. А. Шахматов в 1916 г. писал: «Ломоносов сознательно вступает на путь, который приведет к перевесу в ней (в литературной речи — Ю. Б.) народной стихии. Во второй половине XVIII в. русский литературный язык получает тот вид, который он сохраняет до сих пор. Карамзин и позже Пушкин своим высоким авторитетом завершили великую реформу, обеспечившую нашему книжному языку национальное значение»¹⁰.

Замечание В. И. Ленина о роли Пушкина в истории русского литературного языка легло в основу исследований о языке великого русского национального писателя в историко-языковом аспекте. Эта точка зрения В. И. Ленина была доведена до сведения ученых в 1921 г. и позже (в 1932 г.) опубликована¹¹. Мнение В. И. Ленина, предвосхищая изучение языка Пушкина в аспекте исторического развития русского литературного языка, стало важным методологическим ориентиром для исследовательских усилий в выяснении этой центральной для истории русского литературного языка проблемы. Углубленная разработка вопросов истории русского литературного языка, начатая с конца 1920-х годов и развернувшаяся в 30-е годы, приводит исследователей к выводу об основополагающей роли Пушкина, который обобщил и преобразовал в своей писательской практике основные тенденции языкового развития предшествующего периода, в формировании общенациональной литературной нормы, в создании современного русского литературного языка¹². Ср. утверждение Л. В. Щербы: «Только с Пушкина приобретает наш язык свою полную гибкость и способность выражать все, что нужно»¹³.

Взгляд на Пушкина как основоположника современного русского литературного языка становится широко распространенным к середине 30-х годов. См. «Правда» 17 XII 1935 г.: «Правительство великой страны чтит память Пушкина как создателя русского литературного языка». В 1955 г. В. В. Виноградов отмечал: «Считается более или менее общепризнанным, что норма русского литературного национально-языкового

⁸ См.: В. В. Виноградов, Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы, ВЯ, 1955, 4, стр. 10, Ср.: В. В. Виноградов, О художественной прозе, М.—Л., 1930, стр. 16.

⁹ «Энциклопедия славянской филологии», 12, Спб., 1908.

¹⁰ А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, М., 1941, стр. 244.

¹¹ «Ленинский сборник», XX, М., 1932.

¹² В этой связи следует назвать труды, написанные в 30—40-е годы, прежде всего работы В. В. Виноградова: «Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка», М.—Л., 1935; «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.», М., 1934; 2-е изд.—М., 1938; «Стиль Пушкина», М., 1941; «Пушкин и русский литературный язык XIX века», в кн.: «Пушкин — родоначальник новой русской литературы», М.—Л., 1941; «А. С. Пушкин — основоположник современного русского литературного языка», М., 1949 и др., а также Г. О. Винокура: «Пушкин и русский язык», сб. «А. С. Пушкин. 1837—1937», М., 1937; «Русский язык. Исторический очерк», М., 1945 и др.; Л. В. Щербы: «Современный русский литературный язык», «Р. яз. в шк.», 1939, 4, «Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку)», «Советская педагогика», 1942, 3—4.

¹³ Л. В. Щерба, Современный русский литературный язык, «Р. яз. в шк.», 1939, 4, стр. 25.

выражения нашла свое широкое и полное воплощение в творчестве А. С. Пушкина»¹⁴.

Важно отметить, что, называя хронологические рамки периода, объединяемого под понятием «современный русский язык» — «от Пушкина до Горького», В. И. Ленин тем самым вкладывал в этот термин определенное содержание. Ленинское понимание современного русского языка сосредоточило внимание лингвистов на изучении основных черт русского литературного языка, представленного в литературных текстах примерно от первой трети XIX в. до наших дней. Оно сыграло конструктивную роль в выработке самого понятия «современный русский язык».

Показательно, что содержание этого понятия изменилось на протяжении каких-нибудь двух-трех десятилетий. Л. В. Щерба в «Опыте общей теории лексикографии» пишет: «... Второе отделение императорской Академии наук в 1895 г. выпускает под редакцией акад. Я. К. Грота первый том Словаря русского языка „в том виде, как он образовался со времен Ломоносова“ (стр. VI предисловия)...

Наконец, в 1938 г. Академия наук СССР предполагает издавать Словарь современного русского литературного языка, „начиная от пушкинской поры до наших дней“ (стр. II проекта Словаря современного русского литературного языка, 1938). И это совершенно правильно, ибо едва ли наша молодежь читает и перечитывает каких-либо писателей допушкинского периода»¹⁵.

*

Существен для истории русского литературного языка XIX—XX вв. круг проблем, относящихся к роли писателей, их индивидуального творческого вклада в развитие литературного языка, к роли художественной литературы в этом развитии; ставится вопрос об историческом взаимодействии литературного языка и языка художественной литературы¹⁶. Эти проблемы, поднятые в 30-х годах в работах В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, Г. О. Винокура, Л. А. Булаховского, нуждаются в дальнейшем углубленном изучении¹⁷.

Исходя из своеобразия развития русского литературного языка примерно со второй трети XIX в., целесообразно поставить вопрос и о влиянии на литературный язык, наряду с крупными писателями, выдающихся русских публицистов, о роли в истории русского литературного языка публицистического стиля¹⁸. Эта мысль находит подтверждение в известной ленинской характеристике нашего языка. Полемизируя с либералами, В. И. Ленин в 1913 г. писал: «Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч» (т. 24

¹⁴ В. В. Виноградов, Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР, М., 1955, стр. 47.

¹⁵ Л. В. Щерба, Избр. работы по языкознанию и фонетике, I, Л., 1958, стр. 59, 60.

¹⁶ См.: «Очерки истории русского литературного языка XIX века. Проспект», М., 1956; В. В. Виноградов, Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы; В. Д. Левин, Краткий очерк истории русского литературного языка, М., 1958 (2-е изд.—1964); А. И. Ефимов, История русского литературного языка, М., 1957; е го ж е, О роли национальной художественной литературы в развитии русского литературного языка, ВЯ, 1960, 2; ср.: Г. О. Винокур, Русский язык. Исторический очерк; В. Д. Левин, Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX вв. Лексика, М., 1964.

¹⁷ Ср.: В. В. Виноградов, Проблемы литературных языков... стр. 91.

¹⁸ Ценные сведения и обобщения относительно роли публицистического стиля в истории русского литературного языка середины и 2-й половины XIX в. находим в кн.: Ю. С. Сорокин, Развитие словарного состава русского литературного языка XIX в. 30—90-е годы, М.—Л., 1964.

стр. 294). См. также его оценку стиля Герцена, данную в беседах с В. Д. Бонч-Бруевичем: «Какая у него оригинальная манера построения фраз... Какой богатый и действительно могучий русский язык!»¹⁹.

В литературной практике выдающихся художников слова и мастеров публицистики В. И. Ленин видел воплощение основных качеств и главных достоинств «современного», «классического» русского языка. Для него крупные писатели и публицисты были носителями и лучшими выразителями русской национальной речевой культуры. Этим определяется исключительная важность проблематики «языка писателя» в аспекте исследования истории русского литературного языка, истории литературных языков, а также в разработке теоретических вопросов литературного языка.

В связи со сказанным приобретают особую значимость и непреходящую ценность для языковедческой науки, для науки о литературном языке и его истории ленинские характеристики идейной и художественной стороны творчества выдающихся русских писателей и публицистов XIX в., замечания, касающиеся общей оценки стиля (или его отдельных сторон) крупных мастеров слова. То обстоятельство, что такие замечания даются В. И. Лениным в контексте общей характеристики творчества того или иного автора, указывает исследователю путь лингвистического анализа «языка писателя». «Ленинские труды, — пишет В. В. Виноградов, — раскрывают не только закономерности развития общества в разных его пластах и идеологических надстройках, но и всю грандиозную панораму общественной жизни, прежде всего русской общественной жизни, во всей ее сложности и многогранности. Это глубокое проникновение в тайники и движущие силы общественного развития дает нам верный компас и точное мерило для исторической оценки форм и способов художественного воссоздания явлений и характеров русской общественной жизни в сочинениях русских классиков-писателей XIX и начала XX в.»²⁰.

Для исследовательской практики важен выбор ракурса при анализе конкретного материала, извлеченного из сочинений какого-либо автора: анализировать ли язык и стиль автора, лишь намечая линии координации с языковой действительностью современной ему эпохи, или изучать известные тексты в аспекте исторического развития литературного языка соответствующей эпохи, определяя основные и частные процессы и тенденции языковой эволюции в данный временной отрезок, учитывая индивидуально-авторские особенности языковой «ткани» сочинений писателя лишь с целью отграничить их от «общенародных», «общелитературных» речевых явлений.

Обращаясь к трудам В. И. Ленина, к его оценкам деятелей литературы и публицистики, ученый обретает методологическую ориентировку в анализе фактического материала, извлеченного из сочинений того или иного автора.

Высказывания В. И. Ленина о русских писателях и публицистах XIX — начала XX в. воспринимаются в свете его учения о двух культурах в каждой нации: «В каждой национальной культуре, — пишет В. И. Ленин в „Критических заметках по национальному вопросу“, — есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура

¹⁹ Цит. по кн.: «Ленин и книга», М., 1964, стр. 360.

²⁰ В. В. Виноградов, В. И. Ленин и развитие советской филологии, сб. «Ленин и наука», М., 1960, стр. 285—286.

буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только „элементов“, а в виде *господствующей культуры*» (т. 24, стр. 120—121); «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова» (т. 24, стр. 129).

Анализируя список тех писателей и публицистов, язык которых дает, по В. И. Ленину, полное представление о «великом и могучем русском языке» (Пушкин, Тургенев, Толстой, Добролюбов, Чернышевский, Герцен, Горький), можно сделать определенный вывод, что формирование и развитие русского литературного языка XIX — начала XX в. совершается под решающим воздействием передовой, демократической культуры. Этот вывод находит полное подтверждение в действительном историческом пути нашего литературного языка.

*

В. И. Ленин помогает правильно осмыслить процессы и тенденции развития русского языка советской эпохи в исторически верной перспективе. Мысли В. И. Ленина о русском языке и путях его нормирования, замечания относительно отдельных явлений речевой практики и газетного языка, о «Толковом словаре» В. И. Даля, о необходимости создать словарь «современного», «настоящего» русского языка, высказывания В. И. Ленина о языке политической пропаганды определяют, с одной стороны, одно из важнейших методологических направлений лингвистических разысканий при анализе новых явлений в сфере развития русского литературного языка советской эпохи, с другой стороны — пути конкретно-исторического изучения русской языковой действительности в условиях социалистической революции, в советское время.

Высказанная в записках А. В. Луначарскому, М. Н. Покровскому и Е. А. Литкенсу точка зрения В. И. Ленина на современный русский язык, объединяемый такими именами, как Пушкин и Горький, подчеркивала мысль о преемственности развития русского литературного языка в советское время с предшествующим периодом. Это имеет существенное методологическое значение для общих и частных работ в области истории русского литературного языка XX в., тем более что данная мысль не всегда учитывалась в лингвистических трудах о русском языке новейшего времени²¹. Анализируя новые явления и процессы, совершающиеся в литературном языке советской эпохи, новые условия его социального существования, принципиально важно видеть преемственность языкового развития с предшествующим периодом. Это важно и в общетеоретическом плане (социальная революция не влечет за собой перерыва непрерывности в языковом развитии), и в плане исследовательском, поскольку определяет исторически верную ориентацию в наблюдениях над живыми языковыми фактами и процессами и в их научной интерпретации. Так, например, изучение словарных эволюций в советскую эпоху, в сопоставлении с развитием русского языка в начале XX в. приводит С. И. Ожегова к интересному заключению о том, что «в недрах передовой и прежде всего партийно-коммунистической общественности дореволюционного времени зарождалось то словоупотребление, та терминология, те продуктивные

²¹ См. об этом: Р. Ш о р, О неологизмах революционной эпохи (заметки на полях), «Русский язык в советской школе», 1929; 1; А. Н. К о ж и н, Из истории изучения развития словарного состава русского языка в советском обществе, «Уч. зап. [МОПИ]», 138, 8, 1963.

словообразовательные способы, которые послужили одной из основ многочисленных изменений в словарном составе русского языка после революции»²².

Необходимо обратить внимание на то, что мнение В. И. Ленина о современном русском языке было высказано в те годы, когда муслировался вопрос о «революции в языке» и «революции языка», когда пролеткультовцы заявляли о непригодности русского литературного языка дореволюционного периода для выражения новых революционных отношений и форм общественной жизни, новых идей. Так, один из видных деятелей Пролеткульта В. Плетнев писал в 1922 г.: «Бешеная стремительность революции уже сейчас вносит в наш язык новое содержание, ломая его „благородные“ классические формы. Наш лексикон, подчиняясь темпу жизни, становится телеграфно-четким, отрывистым, ступающим содержания слова до колоссальных размеров. Переведите-ка на старый „благородный“ русский язык Обломова пару слов: „электрификация“ и „радиоактивность“, а мы в них легко ассоциируем несоизмеримый масштаб явлений экономического, технического, научного порядка. Это вносит в содержание, в форму литературного творчества и его назначение огромные видоизменения»²³. Ср. утверждение Н. Я. Марра о том, что литературный язык, сложившийся до 1917 г., «по содержанию своему не отвечает потребностям строящегося социализма, а по форме находится в противоречии с мышлением пролетарских трудящихся масс»²⁴. Были даже предложения так реформировать русский язык, чтобы выбросить из всех слов корень *раб* как «напоминающий нам о недавнем позоре». В случае принятия такой реформы слово *работа* произносилось бы «ота», *рабана* (музыкальный инструмент) — «ана»²⁵.

В. И. Ленин, осудивший выступление В. Плетнева как фальсификацию исторического материализма (см. т. 54, стр. 291), отрицательно отнесся и к вульгарно-социологическому неприятию «старого» литературного языка²⁶. Понимание В. И. Лениным современного русского языка согласуется с его учением о социалистической культуре, в строительстве которой необходимо всемерно учесть и воспринять достижения прогрессивной, демократической культуры прошлого.

В трудах В. И. Ленина находим пути решения не только центральных, крупных проблем, но и некоторых частных вопросов исторической эволюции русского литературного языка.

С середины XIX в. в русском литературном языке отмечается довольно сильный напор разговорной, особенно народно-разговорной речи. Наряду с этим очень активным процессом, наблюдаются и явления «противоположного» направления. Русская литературная лексика пополняется естественно-научной терминологией (преимущественно в переосмысленном виде).

Эти процессы трудно до конца осмыслить в историко-языковом аспекте, если не учитывать такой важный экстралингвистический фактор, как изменения в социальном составе носителей (важно подчеркнуть — активных носителей) литературного языка, совершающиеся с середины прошлого столетия. Ленинская концепция русского освободительного движения дает определенные и точные ориентиры, побуждая изучающих

²² С. И. О ж е г о в, К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху, ВЯ, 1953, 2, стр. 75.

²³ Цит. по кн.: «В. И. Ленин о литературе и искусстве», М., 1969, стр. 464—465.

²⁴ Н. Я. М а р р, Избр. работы, II, Л., 1936, стр. 379.

²⁵ Об этом см.: К. Г о р б у н о в, Работа издательств с начинающими писателями, Доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, [М.], 1934, стр. 9.

²⁶ См. заметки на полях упомянутой статьи В. Плетнева («В. И. Ленин о литературе и искусстве», стр. 465).

историю русского литературного языка пристальнее вглядываться в условия его социального существования²⁷. В частности, для второй половины прошлого столетия очевидна необходимость учитывать приход на общественную арену разночинцев, их роль в общественной и культурной жизни страны, характер их интересов, убеждений и деятельности.

В 1914 г. в статье «Из прошлого рабочей печати в России» В. И. Ленин писал: «Освободительное движение в России прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1891 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время...

Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности» (т. 25, стр. 93—94).

Анализируя статистические данные за 1884—1890 гг., В. И. Ленин называл этот период «народническим», «разночинским». Он отмечает, что «интеллигенция дает подавляющее большинство (73,2%) участников демократического движения» (т. 25, стр. 95). В. И. Ленин характеризует разночинцев как «образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству» (т. 25, стр. 93—94).

Авторы проспекта «Очерков истории русского литературного языка XIX века» справедливо отмечают, что «для истории словарного состава литературного языка этого времени важно учесть также существенные изменения в социальном составе говорящих и пишущих на литературном языке. С середины XIX в. в их среде растет число лиц, вышедших из круга разночинцев. Писатели-разночинцы несли в литературный язык речевые навыки воспитавшей их среды, слова и выражения, укоренившиеся в разговорной речи народа, различных „низовых“ социальных слоев, города и деревни.

Все это не могло не отразиться на современном составе литературного языка, во многом обогатив и отчасти видоизменив его»²⁸.

Прогрессивно настроенные писатели и публицисты 50—80-х годов, которые, по словам ленинской «Правды», стояли «на страже интересов самых обездоленных слоев населения, — и, главным образом, на страже интересов крестьянства»²⁹, знали превосходно, во всех деталях жизнь народа, внимательно прислушивались к речи крестьян, простолюдинов-горожан, отбирая наиболее меткие и выразительные народные обороты речи для своих произведений. Как свидетельствовал Г. Успенский в письме в редакцию «Нечелы» (1878), в поэму Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» должны были войти все сведения о народе, «накопленные, по собственным словам Некрасова, „по словечку в течение 20 лет“»³⁰. Н. Успенский при встрече с крестьянками начинал говорить таким мужицким языком, что сразу располагал в свою пользу³¹.

В. И. Ленин неоднократно отмечает, как положительное качество произведений этих писателей, превосходное знание крестьянства³²,

²⁷ О значении этого экстралингвистического фактора в истории языка см.: В. М. Жирмунский, Проблемы социальной диалектологии ИАН ОЛЯ, 1964, 2.

²⁸ «Очерки истории русского литературного языка XIX века. Проспект», стр. 11.

²⁹ Цит. по кн.: А. Прямоков, Доктябрьская «Правда» о литературе (1912—1914), М., 1955, стр. 58.

³⁰ См.: «Русские писатели о литературном труде», 2, Л., 1955, стр. 196.

³¹ См.: «Русская мысль», 1902, кн. XI, стр. 104.

³² Ср. В. И. Ленин о Г. Успенском: один из «лучших писателей, описывавших крестьянскую жизнь» (т. 38, стр. 10).

простую и прямую характеристику действительности³³ (см. т. 2, стр. 522), замечательную наблюдательность (см. т. 2, стр. 522).

Однако это лишь одна сторона воздействия разночинцев на литературную речь. С усилением их влияния в печати, в публицистике связаны и процессы проникновения и закрепления в словарном составе русского литературного языка естественно-научной лексики и фразеологии³⁴. Увлеченные в массе своей материалистическим естествознанием, разночинцы активно пользуются естественно-научной терминологией как пропагандируя прогрессивные идеи естествознания, так и при изложении вопросов, не связанных с естественными науками. Вот как характеризует К. А. Тимирязев восприятие естествознания, его общественную роль в первые десятилетия второй половины XIX в.: «... понимаешь, какие глубокие корни пустило в общество того времени сознание не узко утилитарного, а общеобразовательного, философского значения того самого естествознания, занятие которым еще так недавно обыкновенному русскому обывателю представлялось каким-то непонятным барским чудачеством»³⁵.

Популярность естествознания в 60-е годы отмечает «Современник» (1863, кн. 10) в рецензии на «Настольный словарь...» Ф. Толля. О распространенности среди разночинной молодежи 60-х годов естественно-научных знаний и занятий естественными науками свидетельствует И. С. Тургенев («Отцы и дети»). В. В. Виноградов говорит о «естественно-научной окраске публицистического языка нигилистов»³⁶.

В вопросе о роли разночинцев в распространении и утверждении в литературном языке естественнонаучной терминологии и способов изложения, свойственных научной речи, следует учитывать и то, что передовые разночинцы в пропаганде знаний видели средство пробуждения народных масс. Цель такой пропаганды В. Г. Белинский видел в том, чтобы «поставить не занимающегося наукою человека в возможность обратиться для себя вопросы науки в вопросы жизни»³⁷. Определяя задачи «книг для народа», М. Е. Салтыков-Щедрин в полемике с авторами псевдонародных сочинений, видевшими «в народе или низшую породу людей, или какое-то полудурье», для которого они «измышляют» «низшего сорта речи и форменно простонародные речи», утверждал, что «народ и не дурак, и не низшая порода: он страдает только недостатком знаний, а потому и требует знаний, и только знаний»³⁸.

Отметив общий «просветительный» характер «наследства» 60-х годов, В. И. Ленин в работе «От какого наследства мы отказываемся?» анализирует «просветительство» большинства «литературных представителей» этой эпохи: они были одушевлены «горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта „просветителя“. Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта

³³ Ср. В. И. Ленин об А. Н. Энгельгардте: картина «действительности деревни, которую он нарисовал с такой талантливостью» (т. 2, стр. 522).

³⁴ См.: Ю. С. С о р о к и н, Развитие словарного состава... Богатый фактический материал к изучению этого вопроса представлен в обширной литературе. См.: И. М. П о д г а е ц к а я, Язык и стиль писателя. Библиография 1951—1958 гг., Казань, 1960; Р. Р. Г е л ь г а р д т, Некоторые вопросы теории и практики изучения языка и стиля писателей, ВЯ, 1958, 3.

³⁵ К. А. Т и м и р я з е в, Соч., VIII, 1939, стр. 175.

³⁶ В. В. В и н о г р а д о в, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938, стр. 400.

³⁷ В. Г. Б е л и н с к и й, Полн. собр. соч., XII, М., 1956, стр. 419.

³⁸ Н. Щ е д р и н (М. Е. С а л т ы к о в), Полн. собр. соч., V, М., 1937, стр. 334.

„просветителя“ это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому» (т. 2, стр. 519).

Эта развернутая характеристика наследства 60-х годов, в соединении с оценками деятельности и сочинений Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Герцена, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Г. Успенского, стиля большинства из перечисленных литераторов — программа изучения не только общественной и литературной деятельности революционеров-демократов, но и нового публицистического стиля, сыгравшего выдающуюся роль в истории русского литературного языка.

*

В трудах В. И. Ленина историк литературного языка находит методологическую, теоретическую, социально-историческую базу для своих наблюдений, обобщений и выводов. Целые комплексы проблем исторического развития литературных языков, в особенности русского литературного языка, получают в ленинском наследии глубокое, аргументированное диалектико-материалистическое освещение и обоснование.

В журнальной статье нет возможности хотя бы прокомментировать все эти проблемы. Перечислим наиболее существенные и очевидные, имея в виду, что наука об истории литературных языков, как и все советское языкознание, строится на принципах марксизма-ленинизма.

Вопросы общего характера: периодизация исторического развития литературных языков; социально-исторические предпосылки и условия формирования национальных языков; роль народно-разговорной речи и диалектов в формировании и истории национальных языков; понятие «литературный язык»; учение о функциональных стилях, нормализация литературной речи и культура речи; разработка и обоснование языковой политики коммунистической партии в условиях социалистического общества, социалистического многонационального государства. Многие из названных вопросов решаются В. И. Лениным на материале русского языка, поэтому ленинские суждения и мнения имеют особую ценность для историков русского литературного языка.

Вопросы истории русского литературного языка: периодизация; социально-исторические предпосылки и условия формирования русского национального языка; проблемы развития русского литературного языка середины XIX в. и второй половины XIX — начала XX в. (характеристика стиля революционно-демократической публицистики, стилей либеральной и казенно-консервативной публицистики, их место в истории русского литературного языка; формирование и функционирование в публицистическом стиле особых лексиконов, состав и семантические особенности которых обусловлены идеологически; развитие общественно-политической терминологии, ее историческая типология; исследование стиля крупных мастеров слова и их роли в формировании и развитии литературного языка; историческое взаимодействие языка художественной литературы и публицистического стиля с литературным языком; роль различий в истории русского литературного языка середины XIX в.

Приведенный перечень проблем со всей очевидностью свидетельствует о насущнейшей задаче науки об истории литературных языков — как можно полнее освоить богатейшее ленинское наследие, осмыслить глубокие ленинские положения в аспекте исторического развития литературных языков с целью выяснить общие закономерности и черты своеобразия этого развития в национальных вариантах, в частности — русского литературного языка.

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

К ПРОБЛЕМЕ ОТРАЖЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА *

I. Способность человека мыслить и отражать окружающий мир относится к числу исторически изменяющихся и развивающихся явлений. Мышление, как известно, тесно связано с языком. По этой причине проблема соответствия особенностей языка уровню развития мышления давно интересовала исследователей. В изучении этой проблемы можно выделить два периода.

1. П е р в ы й п е р и о д характеризуется представлением о первобытном мышлении как явлении крайне неопределенном, которое можно лишь частично воссоздать, исследуя структуру языков современных народов, находящихся на низком уровне культурного развития. Предполагалось, что жизнь этих народов в известной мере напоминает жизнь наших далеких предков и, следовательно, языки этих народов должны содержать типические черты, свойственные языкам первобытных людей. Многие исследователи указывали, что языкам примитивных народов несвойственны отвлеченные понятия, например, в языке тасманийцев имеются отдельные названия для любого особенного вида растений или животных, но нет слова, которое бы обозначало животное или дерево вообще ¹.

В то же время в языках примитивных народов необычайно развита лексика, связанная с выражением различных деталей, объектов действительности.

Австралийцы имеют отдельные названия почти для каждой мельчайшей части человеческого тела: так, например, вместо слова «рука» у них существует много отдельных слов, обозначающих верхнюю часть руки, ее переднюю часть, правую руку, левую руку и т. д. ².

Описывая один из туземных языков на архипелаге Бисмарка, Р. Паркинсон замечает: «Черное обозначается по различным предметам, имеющим черный цвет. Так, например, слово *kotkot* „ворона“ служит для обозначения понятия „черный“: все, что является черным, в особенности предметы блестящего черного цвета, называется именно так. *Likutan* или *lukutan* тоже обозначает «черный», но скорее в смысле «темный»; *tuwaro* обозначает черный цвет обугленного ореха мушкетера; *luluba* — это черная грязь болот в зарослях манговых деревьев, *dep* — это черная краска, получаемая от сжигания смолы канареечного дерева; *utur* — это цвет обугленных листьев бетеля, смешанных с маслом. Все эти слова употребляются соответственно случаю для обозначения черного цвета»; столько

* Статья представляет собой вариант той, которая публикуется в юбилейном сборнике «Ленин и языкознание». — Ред.

¹ См.: А. Л. П о г о д и н, Язык как творчество. Происхождение языка, «Вопросы теории и психологии творчества», IV, Харьков, 1913, стр. 10—13.

² Л. С. В ы г о т с к и й, А. Р. Л у р и я, Этюды по истории поведения, М—Л., 1930, стр. 88.

же разных слов имеется для других цветов: для белого, зеленого, красного, синего, и т. д.³.

В языке папуасов с острова Киваи обнаруживается «большое количество глагольных приставок, простых и сложных, назначением которых является выражать и указывать, сколько в данный момент действует субъектов и на какое количество»⁴. В кламатском языке (один из языков североамериканских индейцев) в указательных местоимениях с необычайной тщательностью выражаются самые различные пространственные отношения⁵.

В бушменском множественное число отличается от единственного с помощью целого ряда суффиксов, что указывает на отсутствие достаточно определенно выработанного различения грамматических чисел⁶.

Склонность к звукоимитике также часто приводится как одна из особенностей языков примитивных народов. В языке эве, по свидетельству Д. Вестермана, есть весьма своеобразный вид наречий со специализированным назначением. Многие глаголы, в первую очередь те, которые описывают впечатления, воспринимаемые органами чувств, могут иметь при себе целый ряд таких наречий, которые наиболее точно подчеркивают действие, состояние, или свойство, выражаемое глаголом. Эти наречия являются как бы «звуковыми картинками», «вокальными имитациями чувственных впечатлений». Так, глагол *зо* «ходить» может быть сопровождаем следующими наречиями, которые употребляются только с этим глаголом и описывают разного рода походку: *зо бехе бехе* «ходить, волоча ноги (как это делают слабые люди)», *зо биа биа* — для описания походки долговязого человека, выбрасывающего ноги вперед, *зо була була* «опрометчиво двигаться вперед, ничего не видя перед собой», *зо кака*, «ступать важно, прямо, не шевеля корпусом», *зо пиа пиа* «ходить маленькими шажками» и т. д.⁷.

Существует убеждение, что языки первобытных людей обладают довольно простой грамматической структурой. Наличие подобной структуры в некоторых современных языках рассматривается как реликт первобытного архаического состояния. А. Фитерман утверждал, что тагальский язык сохранил некоторые архаические особенности, которые выражаются в следующем: там имеется всего 17 звуков, причем состав гласных ограничивается звуками *a, e, i, u*; склонение выражается положением слова во фразе, а также частицами и приставками; мн. числа нет, его заменяет числительное или слово *шаида* (много), глагол и имя не различаются⁸.

В языке южноамериканского племени короадос глагол употребляется обычно в неопределенном наклонении, а признаки времени и лица, как и другие отношения, связанные с действием, обозначаются ударением, медленностью или живостью произношения, особыми знаками и характерными жестами, восполняющими недостаток грамматического построения.

Характеризуя языки банту, А. Л. Погодин отмечает их своеобразное строение, связанное с законом проведения одного типа местоимения через все предложение: «Эта необходимость приставлять к каждому слову фразы слоги *ta, ba, le* и т. п., чтобы отметить логическую связь этих слов,

³ R. Parkinson, *Dreißig Jahre in der Südsee*, Stuttgart, 1907, стр. 144, см. также стр. 145.

⁴ П. Левин-Брюль, *Первобытное мышление*, Л., 1930, стр. 98.

⁵ Там же, стр. 102.

⁶ А. Л. Погодин, указ. соч., стр. 239.

⁷ D. Westermann, *Grammatik der Ewesprache*, Berlin, 1907, стр. 83.

⁸ A. Featherman, *Social history of the races of mankind*, IV — *Papuo and Malayo-Melanesians*, London, 1877, стр. 487.

иначе говоря, принадлежность их к одной и той же фразе, указывает на неспособность мысли оторваться от конкретных представлений»⁹. По свидетельству К. Штейнена, основа глагола в южноамериканском языке бахаири необычайно осложнена присоединяющимися к ней различными элементами. «Органическое расчленение слов прекращается, и предложение превращается в грубейшую мозаику из одних обломков»; у бахаири предложения сливаются в одно слово¹⁰.

Аналогичную структуру имеют языки североамериканских индейцев. «Основная особенность их заключается в стремлении... связывать все элементы предложения в одно целое так, чтобы в результате получилось одно слово»¹¹. По мнению некоторых исследователей, эти черты представляют реликты того периода в развитии языков, когда люди говорили не словами, а словами-предложениями, означавшими целый комплекс слов¹².

Этнографы и отчасти языковеды, исследовавшие быт, культуру и языки народов, отсталых в культурном и экономическом отношении, положили начало изучению сложной проблемы взаимоотношения языка и мышления. Были собраны интересные материалы, касающиеся особенностей языков этих народов.

Положительным в исканиях подобного рода следует считать материалистически понятое положение о том, что типологически сходные условия быта могут быть причиной возникновения некоторых типологически сходных норм сознания.

Так, например, неразвитость отвлеченных понятий оказывается типичной для всех языков народов, стоящих на низкой ступени культурного развития. Необычайная детализация и конкретность понятий, типичная для этих языков, также связана с особенностями быта и хозяйственного уклада их носителей.

Вместе с тем методика исследования проблемы взаимоотношения языка и мышления, обнаруживаемая в описании языков народов, стоящих на низкой ступени развития, часто оказывается порочной. Исследователи в этот период часто отождествляли язык с мышлением. Народу — носителю языка, отличающегося простотой грамматической структуры, обычно приписывалось примитивное мышление. Проблема возможности пересмысления форм, кажущихся архаичными, даже не ставилась. Характерным для всех этих работ был антиисторический подход к языку, который обычно выражался в том, что наличное в данный момент выдавалось за первоначальное. Изучение истории различных языков с достаточной убедительностью показывает, что простота грамматической структуры может быть вторичной (ср. такие языки, как английский, армянский, некоторые новоиндийские и т. д.). Скудость консонантизма или вокализма также может быть вторичным явлением; например, в финском языке очень невелика система согласных, что отнюдь не является первоначальным. Кроме того, совершенно забывался закон неравномерности изменения различных уровней языка. Язык может быть «прост» в одном отношении, но сложен в другом. Кроме того, проведение аналогий между мышлением современных людей, стоящих на низкой ступени культурного развития, и мышлением первобытных людей может быть только сугубо относительным, поскольку мышление всех современных людей имеет длительную историю развития. На это в свое время обращал внимание И. Колер, который отмечал, что языки австралийских дикарей, первобытные в пси-

⁹ А. Л. Погодин, указ соч., стр. 251.

¹⁰ Там же, стр. 260.

¹¹ Там же, стр. 275.

¹² Там же, стр. 281.

хологическом отношении, представляют продукты долгого употребления, если даже нет данных, позволяющих судить об их развитии¹³.

2. В т о р о й п е р и о д в изучении проблемы взаимоотношения языка и мышления характеризуется стремлением представить первобытное мышление как особую стадию в развитии человеческого мышления, для которой свойственны специфические, только ей присущие черты. Наиболее колоритной фигурой этого периода является французский этнограф и философ Л. Леви-Брюль, оказавший большое влияние на многих исследователей, в особенности на Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова.

Взгляды Л. Леви-Брюля изложены в трех основных работах — «Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures» (Paris, 1910), «La mentalité primitive» (Paris, 1912) и «L'âme primitive» (Paris, 1927). В русском переводе его книги «La mentalité primitive» («Первобытное мышление», 1930) были использованы также некоторые материалы, содержащиеся в первой работе.

В этой книге Леви-Брюль резко полемизирует со сторонниками так называемого анимистического направления, провозглашающего тождество человеческого духа, с логической точки зрения совершенно одинакового всегда и повсюду¹⁴.

Следуя взглядам О. Конта, Леви-Брюль утверждал, что в умственной жизни человека все, что не сводится к простой реакции организма на получаемые раздражения, имеет социальную природу. «Следовательно, определенный тип общества, имеющий собственные учреждения и нравы, неизбежно будет иметь и свое собственное мышление»¹⁵.

Первобытные люди, по утверждению Леви-Брюля, ничего не воспринимают так, как мы. Точно также, как социальная среда, в которой они живут, отличается от нашей, и именно потому, что она отлична от нашей, восприятие внешнего мира первобытными людьми отлично от нашего восприятия¹⁶. В первобытном мире господствуют коллективные представления. Коллективные представления первобытных людей глубоко отличны от наших идей или понятий; они также и не равносильны им. Они не имеют логических черт и свойств. «Каков бы ни был предмет, появляющийся в их представлении, он обязательно содержит в себе мистические свойства, которые от него неотделимы, и познание первобытного человека действительно не отделяет их, когда оно воспринимает тот или иной предмет»¹⁷.

Особое значение Леви-Брюль придает характерному якобы для мышления первобытных людей закону партиципации. «Когда член низшего общества, австралиец, например, или гуичол, думают об „олене“ или „пере“ или „облаке“, то родовой образ, который ему представляется, предполагает и содержит в себе нечто иное, чем аналогичный образ, появляющийся при тех же обстоятельствах в сознании европейца»¹⁸. Первобытный человек «живет и действует среди существ и предметов, которые все, кроме свойств, которые за ними признаем и мы, обладают еще и мистическими способностями; к их чувственной реальности примешивается еще и некая иная»¹⁹. Отсюда Леви-Брюль делал вывод о мистическом характере психической деятельности первобытных людей: «Мышление первобытных людей является в основе своей мистическим...», «они с полным без-

¹³ J. K o h l e r, Über das Recht der Australneger, «Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft», VII, 1887, стр. 332.

¹⁴ Л. Л е в и - Б р ю л ь, указ. соч., стр. 8.

¹⁵ Там же, стр. 15.

¹⁶ Там же, стр. 25.

¹⁷ Там же, стр. 21, 25.

¹⁸ Там же, стр. 86.

¹⁹ Там же, стр. 40.

различием относятся к противопоказаниям опыта»²⁰. Формулируя общий принцип: «различным типам мышления должны были бы соответствовать и различные по своей структуре языки», Леви-Брюль указывает, однако, на целый ряд осложняющих обстоятельств, которые затрудняют исследование языков в этом плане; к числу их следует отнести прежде всего миграции и возможность поглощения одних групп людей другими, что вызывает смешение языков²¹.

Однако соответствие между пралогическим мышлением и структурой языка Леви-Брюлю обосновать не удалось. Он просто отмечает некоторые особенности первобытных языков, их склонность выражать различные частные детали, их неспособность выражать такие грамматические категории, как наклонение и время и т. п.

Неприемлемость теорий Леви-Брюля является вполне очевидной. Можно допустить существование у первобытного человека магических приемов и всякого рода фантастических представлений. Однако не они имели решающее значение в его жизненной борьбе за существование. Для того чтобы добыть огонь, убить зверя или наловить рыбы, построить жилище, изготовить орудия и т. п., человек должен был знать и использовать объективные законы окружающего мира. Без правильного, пусть даже научно не осознанного понимания этих законов первобытный человек вообще не мог бы существовать. «Главная ошибка Леви-Брюля, — справедливо замечают Л. С. Выготский и А. Р. Лурия, — заключается в недооценке технической деятельности, практического интеллекта примитивного человека, того бесконечно подынявшегося над операциями шимпанзе, но генетически связанного с ним употребления орудий, которое в корнях своих не имеет ничего общего с магией»²².

Б. И. Шаревская считает, что «в отношении первобытного человека вообще нельзя говорить о системе воззрений, материалистической или идеалистической»: «в воззрениях первобытного человека было слишком много „посторонних прибавлений“ (хотя они и представлялись материально), чтобы его можно было назвать материалистом. Не был он материалистом, как не был и идеалистом или мистиком». И далее: «В отношении первобытного человека неправомерно говорить ни о науке, ни о философии, ни о религии — вообще ни о какой системе идей. У него, очевидно, вообще возникало мало „идей“, хотя он необходимо должен был мыслить логически, ибо без этого он не мог бы существовать»²³. Картина мира у первобытного человека, как и его практика, по-видимому, представляла собой конгломерат разрозненных знаний, магических приемов и смутных супернатуралистических представлений²⁴.

Наконец, сами магические действия не являются первичными. «Исследования показывают, ... что магия вовсе не наиболее распространена среди наиболее примитивных народов. Лишь у средних примитивов она приобретает почву для своего развития, и расцвет ее приходится на высшие примитивные народы и древние культурные народы. Необходимо значительное развитие культуры, для того чтобы возникли необходимые предпосылки для магии»²⁵.

Заметим также, что теория Леви-Брюля не до конца последовательна и обнаруживает противоречия. Так, например, Леви-Брюль признавал,

²⁰ Там же, стр. 26, 39.

²¹ Там же, стр. 95.

²² Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, указ. соч., стр. 119.

²³ Б. Шаревская, О методологической и терминологической путанице в вопросах первобытного мышления, «Советская этнография», 1958, 6, стр. 70, 73

²⁴ Там же, стр. 74.

²⁵ Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, указ. соч., стр. 117.

что «весь психофизиологический процесс восприятия происходит у них [у первобытных людей. — Б. С.] так же, как и у нас. Однако продукт этого восприятия у первобытного человека немедленно обволакивается определенным сложным состоянием сознания, в котором господствуют коллективные представления»²⁶. «Рассматриваемый индивидуально, в той мере, в какой он мыслит и действует назависимо, если это возможно, от коллективных представлений, первобытный человек будет чувствовать, рассуждать и вести себя чаще всего так, как мы это от него ожидаем»; мышление первобытных людей может быть названо пралогическим: «оно не антилогично, оно также и не алогично»²⁷. Однако Леви-Брюль неправоммерно преувеличивал роли мистического элемента в сознании первобытного человека.

Н. Я. Марр попытался очистить теорию Леви-Брюля от заложенных в ней противоречий. Он пользовался термином «пралогическое мышление» уже без всяких оговорок. Леви-Брюль был совершенно индифферентен к проблемам развития экономического базиса. Н. Я. Марр, наоборот, стремился найти соответствие между состоянием развития производительных сил общества, мышлением и языком, считая язык надстроечной категорией: «Язык создавался в течение многочисленных тысячелетий массовым инстинктом общественности, слагавшейся на предпосылках хозяйственных потребностей и экономической организации»²⁸.

По Марру, «сама смена форм языкового мышления обусловлена сменой социально-экономических формаций»²⁹.

Н. Я. Марру не удалось создать цельного и стройного учения о стадиях языкового развития, хотя он пытался развивать этот тезис в самых различных направлениях. Одно время Н. Я. Марр пытался установить стадиальность в смене морфологических типов языка. «Первичный аморфный синтетический строй языка, присущий ныне так называемым моносиллабическим языкам, например китайскому, второй, агглютинативный строй, отличающий, например, турецкий язык, и третий, флективный строй, с каким является, например, русский, это не три параллельных, а три хронологически последующих друг за другом типа»³⁰. Кстати, эта мысль еще до Марра была высказана А. Шлейхером. В отличие от А. Шлейхера Марр связывал процесс стадиального движения морфологических типов языка со сменой различных систем хозяйства и со сменой системы мышления. «Смены мышления — это три системы построения звуковой речи, по совокупности вытекающие из различных систем хозяйства и им отвечающих социальных культур: 1) первобытного коммунизма, со строем речи синтетическим..., 2) общественной структуры, основанной на выделении различных видов хозяйства с общественным разделением труда,... им сопутствует строй речи, выделяющий части речи, а во фразе — различные предложения, в предложениях — различные его части и т. п....; 3) сословного или классового общества, с техническим разделением труда, с морфологиєю флективного порядка»³¹.

Особыми стадиями языкового развития Н. Я. Марр считал также языковые семьи: «индоевропейские языки составляют особую семью, но не расовую, а как порождение особой степени, более сложной, скрещения, вызванной переворотом в общественности, в зависимости от новых форм

²⁶ Л. Леви-Брюль, указ. соч., стр. 25.

²⁷ Там же, стр. 50, 49.

²⁸ Н. Я. Марр, Избранные работы, I, Л., 1933, стр. 218.

²⁹ Там же, II, Л., 1936, стр. 116.

³⁰ Там же, I, стр. 89.

³¹ Там же, III, М.—Л., 1934, стр. 71.

производства, связанных, по-видимому, с открытием металлов и широким их использованием в хозяйстве»³².

В некоторых работах Н. Я. Марр под сильным влиянием Леви-Брюля стремился выявить стадии развития мышления: зрительное мышление (до появления звукового языка), тотемическое, космическое и микрокосмическое и, наконец, формально-логическое мышление³³.

В отдельных случаях характеристика стадияльного развития мышления выражалась в характеристике языкового состояния. Палеонтология речи, по утверждению Н. Я. Марра, «вскрывает состояние языка, а, следовательно, мышление, когда не было еще полноты выражения мысли, не выражало действие, т. е. не было глагола, сказуемого, более того — не было субъекта, по схоластической грамматике так называемого подлежащего. ... действие было, но не в высказывании, во фразе, а в производстве, и субъект был, но не во фразе, а в обществе..., в речении, тогда лишь в ручном, ... [выражался... — Б. С.] объект, но не по четкому представлению нашего мышления, как „дополнение“, а как комплекс цели, задачи и продукции (предмета потребления)»³⁴. Когда действующее лицо (субъект) «выделилось в сознании из действия, то действие продолжало обозначаться ручным символом, а действующее лицо было уже надстроечное, это — тотем: он-то и нуждался в сигнализации звуковым знаком... Уже нарождалось представление о коллективной собственности. Появилось местоимение. Однако эта категория слов, впоследствии — часть речи, первая по времени появления часть речи, замещала не имя существительное, ... а имя-тотем... синтаксис-строй в звуковой речи получался одной расставленной слов, сохранявших общественную природу, а потому не нуждавшихся ни в каком оформлении...»³⁵. Образование новых производств умножило число звуковых тотемов. Осложненное производство и потребление привело к возникновению мировоззрения более широкого охвата с более четкой техникой мышления³⁶. Эти изменения, по мнению Н. Я. Марра, вызывали изменения и в строе языка.

Критики стадияльной теории Н. Я. Марра справедливо указывали, что Н. Я. Марр пользовался термином «стадия» сбивчиво и противоречиво, вкладывая в него очень разнообразное, пестрое, внутренне несогласованное содержание: он говорил о разных стадиях мышления, в то же время стадиями оказывались разные системы языков; понятие стадии языка отождествлялось также с понятием строя языка³⁷.

Последователи Н. Я. Марра, замечая несовершенство его стадияльных схем, пытались придать стадиям более очерченный характер в плане более четкого выявления и определения их различительных признаков. Известный интерес в этом отношении представляет стадияльная схема, предложенная И. И. Мещаниновым в 1931 г. И. И. Мещанинов пытался установить более определенные корреляции между общественным строем, соответствующим ему археологическим периодом и с тем или иным типом или строем речи. Так, например, «коллективу собирателя и охотника с искусственным орудием» и «коллективу мелкого охотника» (нижний и средний палеолит) якобы был присущ аморфный строй речи; «коллектив крупного охотника (начало скотоводства и мотыжного земледелия)» характеризуется «переходом к аморфно-синтетическому» строю язы-

³² Там же, I, стр. 185.

³³ Там же, III, стр. 120.

³⁴ Там же, стр. 115.

³⁵ Там же, стр. 116.

³⁶ Там же, стр. 116, 117.

³⁷ В. В. Виноградов, Критика антимарксистских теорий стадияльности в развитии языка и мышления (1923—1940), сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», 1, М., 1951, стр. 73.

ка; «общественным группировкам, характеризующимся переходом на скотоводство и земледелие» (эпоха неолита) приписывается аморфно-синтетический строй языка и агглютинативный — родовым общинам; типичным для эпохи феодализма оказывается флективный строй языка³⁸. Фактически эта стадияльная схема была попыткой уточнить известную стадияльную схему Н. Я. Марра, связывавшего особенности морфологического типа языков с общественно-экономическими формациями.

Причинные связи между характером производства населения и соответствующим ему типом языка устанавливались И. И. Мещаниновым крайне умозрительно и в самом общем плане. Предполагалось, что первобытный человек мог довольствоваться «условными сигналами жестов и мимики, иногда сопровождаемых диффузными, еще не расчлененными, выкриками»; к тому же и само мышление охотника периода древнего каменного века было в известной степени образным — «поэтому жестом передавалось не отдельное слово, а целый образ»³⁹. В коллективе охотников на крупного зверя прежнее диффузное состояние стало окончательно распадаться. По мере перехода на специализированный труд самого пользующегося речью коллектива, строй речи начал переходить в аморфно-синтетический, т. е. прежний знак, передававший когда-то образ-фразу, уже обратился в слово, требующее для построения фразы соблюдения вырабатывающихся правил синтаксиса. Это должно было повести к построению фразы из нескольких знаков. При переходе от охотничьего образа жизни к оседлому значительно усилилось расчленение труда. Увеличивающиеся потребности в общении соприкасавшихся родовых объединений, необходимость обмена продуктами между ними в условиях специализации труда, вели к упрощению способов общения, делая их все более доступными массам в их устной речи.

Набор неоформленных слов заменился новым способом конструкции речи, при котором для характеристики данного слова использовались другие слова своей же речи, могущие придать требуемый оттенок, иначе самый смысл фразы остался бы непонятным. Выделились так называемые вспомогательные слова, присоединение которых к другим выявляло функцию последних во фразе. Языковая структура становилась агглютинативной⁴⁰. «Флективная стадия оказывается по существу дальнейшим видоизменением агглютинативной»⁴¹.

Нетрудно понять, что все эти объяснения не решают в целом проблему взаимоотношения особенностей мышления и языкового строя, поскольку они фактически сводятся к попытке объяснить причины смены различных морфологических типов языков. Между тем, новейшие исследования показывают, например, что довольно значительное распространение на земном шаре языков агглютинативного строя обусловлено вовсе не особенностями развития мышления, а совершенно иными причинами. В настоящее время все более выясняется, что процесс порождения речи происходит, по всей вероятности, путем последовательной перекодировки фонем в морфемы, морфем в слова и слов в предложения; на том или ином из этих уровней перекодировка осуществляется не в долговременной, а в оперативной памяти человека, объем которой ограничен⁴². Емкость оперативной памяти человека накладывает ограничения на глубину и на длину слова.

³⁸ И. И. Мещанинов, К вопросу о стадияльности в письме и языке, «Изв. ГАИМК», VII, 5—6, Л., 1931, стр. 92.

³⁹ Там же, стр. 17, 23.

⁴⁰ Там же, стр. 64, 65.

⁴¹ Там же, стр. 81.

⁴² См.: В. А. Москович, Глубина и длина слов в естественных языках, ВЯ, 1967, 6, стр. 17.

Под глубиной слова в данном случае понимается количество морфем в слове, а длина слова обычно выражается количеством слогов ⁴³. «Данные лингвopsихологических опытов определенно указывают на то, что объем восприятия длины и глубины слов равен объему оперативной памяти человека. Это означает, что в тех стилях естественных языков, которые ориентированы на устную форму общения, максимальная длина слов не может превышать 9 слогов, а их максимальная глубина 9 морфем; наиболее благоприятными для восприятия речи являлись слова, имеющие глубину и длину от 1 до 4 морфем и слогов, а менее благоприятными — от 4 морфем и слогов и выше ⁴⁴.

В агглютинирующих языках морфемы, почти как правило, однозначны, границы их в слове определены. Это создает четкий внутрисловный контекст, позволяющий безошибочно идентифицировать морфемы в самых длинных последовательностях. При способе соединения морфем, называемом внутренней флексией, чрезмерное увеличение количества морфем в слове нежелательно, так как это может повлечь за собой затруднения в идентификации элементов слова. В. А. Москович признает поэтому естественным, «что в языках мира более всего распространена агглютинация и менее всего — внутренняя флексия. Фузия же по распространенности несколько уступает агглютинации» ⁴⁵.

Многочисленные факты свидетельствуют также о том, что языки, в которых господствующими являются внутренняя флексия и фузия, с течением времени становятся агглютинативными языками или же такими языками, в которых агглютинация занимает ведущее положение; ср., например, историческую эволюцию армянского, древнеиранских, санскрита и т. д. Кроме того, разрушение флективного строя происходит часто по причинам необходимости устранения различных неудобств, как-то: наличие морфемной омонимии, полисемантичности морфем, отсутствия четких границ между корневыми и суффиксальными морфемами, наличие параллельных способов выражения и т. п. ⁴⁶.

Все это лишний раз свидетельствует о том, что основными причинами смены морфологического типа языков являются требования техники речевого общения, а не сдвиги в развитии человеческого мышления.

Следует отметить, что взгляды И. И. Мещанинова, касающиеся проблемы стадиальности языка и речи, неоднократно менялись. В его более поздних трудах встречаются другие стадиальные схемы. Эти работы характеризуются стремлением перенести проблему стадиальности в область синтаксиса и связать стадиальность развития мышления с особенностями синтаксического строя различных языков. Основной движущей силой изменения синтаксических структур объявляется процесс осознания субъекта действия и самого действия в связи с развитием мышления, которое последовательно проходит две стадии развития — дологическую и логическую. Показательна в этом отношении стадиальная схема, излагаемая в его книге «Новое учение о языке».

Опираясь на некоторые высказывания Н. Я. Марра, И. И. Мещанинов утверждает, что палеонтология речи вскрывает то состояние языка (а следовательно — мышления), когда в предложении субъект и действие не были выражены. Так, например, пережитком той архаической стадии развития мышления, когда субъект и предикат не были выражены, является прием инкорпорирования, встречающийся в некоторых языках

⁴³ Там же, стр. 18.

⁴⁴ Там же, стр. 19, 33.

⁴⁵ Там же, стр. 24, 25.

⁴⁶ Подробнее см.: Б. А. Серебряников, Об относительной самостоятельности развития системы языков, М., 1968, стр. 40 и сл.

Северной Азии и в целом ряде американских. «Это — цельная форма с показанием действия и характеристикой как его свойств, так и направления на объект», например: юкагирск. *köde-d-ilen-bunıl* «человеко-олениное-убийство». «... в самом построении данных юкагирских слов мы имеем одно комплексное выражение действия, не передающего действующего лица в его специфическом выражении субъекта: имя еще не дифференцировано от глагола; имеется лишь действие в его характеристике без выделения категорий речи, обычных для индоевропейских языков — «здесь мы имеем слитное выражение слитного же восприятия действия „тотема“»⁴⁷.

«По нормам действующего сознания строй речи этого периода оказывается все же активным, но с активно действующим „мифологическим субъектом“, или „тотемом“... Этот „мифологический субъект“, наличный в представлении говорящего в том или ином виде, но всегда в его мифическом восприятии, выявляет свои действия через фактически действующее лицо, осознаваемое при таких условиях как пассивный исполнитель, как посредник деяния»⁴⁸.

Главным стимулом, ведущим к разложению этого строя, является неуклонно идущий процесс осознания активно действующего субъекта и самого действия. При выделении индивида происходит столкновение активно-пассивных отношений как в самом мышлении, так и в языковом строе. Это выражается в том, что возникает два глагольных строя: так называемый местоименный строй, когда личные местоимения используются в роли личных глагольных окончаний, и именной-притяжательный строй, например, алеутск. *su-ku-ŋ* «мое теперешнее взятие» (= «я беру»). Формальный именной-притяжательный строй оказывается пассивным⁴⁹.

С развитием мышления ослабляется, по И. И. Мещанинову, влияние неконтролируемых сил и вместе с тем усиливается проникновение активизации в структуру речи. Действующее лицо всецело переносится осознанием на реального исполнителя действия (логический субъект), и прежний «мифологический субъект» сохраняется только в снятом виде⁵⁰. Такое состояние характеризует эргативную стадию, однако пережитки прежних стадий и здесь еще оказываются заметными. В этой стадии возникают новые падежные формы. Вырабатывается специальный орудийный или эргативный падеж, двусмысленный в зависимости от хода коренной ломки мышления. С одной стороны, он как падеж посредника действия (исполнителя данного акта) означает орудие действия. С другой, при снятии «мифологического субъекта», обращавшего действующее лицо в своего посредника, этот падеж становится активным, сохраняя все же свою пассивную форму и косвенное значение орудийного падежа: «... формальная пассивность субъекта переходных форм связана с их именным притяжательным построением более отдаленного стадийного состояния»⁵¹. «Взамен притяжательного построения выдвигается личное; другими словами, притяжательный форматив глагола заменяется личным или становится личным»⁵².

Последующая ломка эргативного строя и выход языков из соответствующего стадийного состояния обусловлены развитием логического мышления в его внешнем выявлении в языковой структуре. В активной стадии, субъект, будучи активным, получает активное оформление. К активной или активно-логической стадии относится большинство наиболее

⁴⁷ И. И. Мещанинов, Новое учение о языке, [Л.], 1936, стр. 294, 295.

⁴⁸ Там же, стр. 294.

⁴⁹ Там же, стр. 306.

⁵⁰ Там же, стр. 316.

⁵¹ Там же, стр. 320.

⁵² Там же, стр. 321.

изученных языков — индоевропейские, семитические, тюркские, финские и др.⁵³ И. И. Мещанинов допускает в различных языках смешение разных стадийальных признаков.

В сущности та же стадийальная схема, но с некоторыми уточнениями, приводится в более поздней работе И. И. Мещанинова «Общее языкознание» (Л., 1940). Развитие синтаксического строя всех языков мира согласно этой схеме проходит следующие этапы: слово-предложение; инкорпорирующие комплексы, передающие одним словом целое предложение; лексико-синтаксические комплексы (тесное слияние отдельных частей речи); становление вербального предложения в связи с образованием глагола; посессивный (притяжательный) строй предложения; эргативный строй предложения; номинативный строй предложения.

Основное отличие этой схемы от предыдущей состоит в том, что И. И. Мещанинов, по-видимому, освободился от увлечения теориями Л. Леви-Брюля и Н. Я. Марра о дологическом мышлении и о роли различных тотемических и мифологических представлений, якобы способствовавших оформлению специфического строя предложения на древних этапах развития человеческой речи. Тем не менее, основная причина смены различных синтаксических типов, по И. И. Мещанинову, — постепенное осознание субъекта действия и самого действия — прямо исходила из учения Леви-Брюля о двух стадиях развития мышления, дологической и логической. Поэтому вся критика в этом плане, направленная на теории Леви-Брюля и Н. Я. Марра, в одинаковой степени может быть отнесена и к воззрениям И. И. Мещанинова. Что же касается последовательной смены различных синтаксических типов языков, то здесь также много неясного, например, истинная причина образования инкорпорированных комплексов, эргативного строя предложения и т. д. до сих пор окончательно не выяснена. Н. Я. Марр и И. И. Мещанинов часто забывали о том, что образование синтаксических типов языков в большинстве случаев обусловлено причинами не менталистического порядка. Характерным для И. И. Мещанинова, как и для Н. Я. Марра, является невнимание к конкретной истории языков.

Проблема стадийности мышления и речи интересовала также известного финно-угроведа Д. В. Бубриха, хотя он не был последователем учения Н. Я. Марра. Д. В. Бубрих устанавливал три стадии развития мышления: 1) наглядно-действенное мышление, которое вращается в рамках переживаемой действительной ситуации и опирается на наглядное содержание последней; 2) наглядно-образное мышление, которое уже широко выходит за рамки переживаемой действительной ситуации и опирается на наглядные образы; 3) собственно-мышление, которое также широко выходит за рамки переживаемой действительной ситуации и опирается уже на понятия⁵⁴.

Эта схема более реалистична, поскольку все три типа мышления действительно существуют. Неясно только, были ли между ними достаточно четкие стадийальные границы в процессе их развития. В плане связи с развитием языка эта схема выглядит следующим образом: 1) „эра“ наглядно-действенного мышления и сигнальной речи; 2) „эра“ наглядно-образного мышления и изобразительной речи; 3) „эра“ собственно-мышления и собственно-речи; далее „эра“ наглядно-действенного мышления и сигнальной речи“ связывается с допалеолитическим временем и нижним палеолитом; средний палеолит связывается с „эрой“ наглядно-образного мышле-

⁵³ Там же, стр. 334.

⁵⁴ Д. В. Б у б р и х, Происхождение мышления и речи, «Научный бюллетень ЛГУ», 7, 1946, стр. 37.

ния и изобразительной речи», а «верхний палеолит составил начало „эры“ собственно-мышления и собственно-речи»⁵⁵.

II. Этот далеко не полный перечень различных стадияльных схем и показ методики исследования проблемы взаимоотношения мышления и языка в их историческом развитии свидетельствует о необычайной сложности этой проблемы. Ее исследование затрудняется целым рядом осложняющих обстоятельств, сущность которых сводится к следующему: 1) одно и то же мыслительное содержание в разных языках мира может быть выражено различными языковыми способами; 2) значение языковой формы может неоднократно меняться и переосмысливаться при сохранении самой формы; 3) общее количество морфологических и синтаксических типов, а также способов грамматического выражения в языках мира ограничено. На протяжении истории языков может наблюдаться неоднократно чередование и повторение одинаковых типов. Поэтому очень трудно определить, является ли данный морфологический или синтаксический тип языка первичным или вторичным; 4) система одного языка может подвергаться влиянию другого языка в различных условиях контактирования языков. Например, эргативная конструкция в некоторых кавказских языках могла возникнуть под влиянием языков-субстратов; под влиянием индоевропейских языков в некоторых финно-угорских появились новые синтаксические особенности и т. д. Все это также во многих случаях затрудняет выявление первичных особенностей; 5) изменение языкового строя не всегда связано с требованиями развивающегося мышления. В каких-то своих частях оно нередко связано с чисто психологическими особенностями, например, с тенденцией выражать одинаковые значения одинаковой формой (или наоборот — разные значения разными формами), с тенденцией к устранению слишком длинных слов или суффиксов, к устранению плеоназма и т. д. Поэтому не каждое языковое изменение непосредственно связано с изменением мышления; 6) изменение строя языка может быть результатом появления новых ассоциаций, которые сплошь и рядом имеют случайный характер; 7) выбор средств языкового выражения в различных языках мира также часто случаен. Это обстоятельство необычайно затрудняет установление достаточно четких языковых стадияльных признаков; 8) не все то, что имеется в человеческом сознании, может непосредственно выражаться в языке. Поэтому отсутствие того или иного слова или формы в языке вовсе не обозначает отсутствие соответствующего понятия в сознании людей; 9) при исследовании проблемы отражения развития мышления в грамматическом строе языка следует учитывать также то важное обстоятельство, что процесс речевого общения обслуживается довольно узким и ограниченным кругом грамматических категорий, в той или иной мере повторяющихся в различных языках мира. Обычно в этот круг входят такие категории, как число, лицо, падеж, вид, время, залог, модальность и т. п. С технической точки зрения процесс речевого общения представляет выражение довольно элементарных отношений, как, например, выражение числа предметов, пространственных и субъектно-объектных отношений, соотнесение действия с его субъектом, отнесение глагольного действия к определенной временной плоскости или временному плану, указание на качественные особенности действия и т. д. Эти отношения и выражающие их грамматические категории являются довольно простыми по своему содержанию, которое на протяжении тысячелетий меняется очень медленно. Они возникли в сознании человечества очень давно, и подчас бывает невозможно определить качественные сдвиги в их значении в современных языках;

⁵⁵ Там же, стр. 38, 39.

10) огромную роль в образовании грамматического строя языка играет перенос одних моделей на другие по аналогии, что необычайно затрудняет исследование первичной мотивированности таких моделей; 11) многие особенности грамматического строя архаических языков являются совершенно недоступными для изучения по причине их полного исчезновения. Реконструируемые нами праязыки (или языки-основы) современных групп родственных языков являются языками относительно неглубокого залегания. Их предполагаемый возраст в среднем не превышает восьми, десяти тысяч лет.

Следует отметить, что ни в одной из существующих работ, посвященных проблеме стадиальности развития языков, эти осложняющие обстоятельства не преодолены, что естественно лишает их доказательной силы.

При наличии осложняющих обстоятельств особое значение приобретает проблема выбора правильного метода для того, чтобы исследовать, как развивающееся мышление отражается в структуре языка.

Прежде всего необходимо отказаться от попыток выявления четко разграниченных стадий в развитии мышления и языка — ибо никаких четких границ между стадиями развития мышления и языка установить никогда не удастся. О мышлении первобытного человека можно говорить только в самых общих чертах как о некоем типическом состоянии. Такое мышление было, конечно, менее развито, в известной степени примитивно, менее абстрактно. Тем не менее, во все эпохи своего развития человеческое мышление было всегда логическим. Никаких «дологических» и «мифологических» стадий никогда не было. Поэтому совершенно беспочвенным является рассуждение о том, будто бы первоначально субъект действия не сознавал самого себя, ассоциировал себя с «тотемом» или даже с определенным человеческим коллективом в целом.

Кроме того, развитие человеческого мышления имеет свою специфику. Более архаический тип мышления, например, мышление практическое или производственное, по мере развития мышления не исчезает, а дополняется различными новыми, более сложными типами мышления. Смена различных языковых типов и языковых структур также представляет собой довольно сложное явление. Архаические особенности языковой структуры со временем утрачиваются, но многое здесь и циклически повторяется. В связи с высказанными замечаниями нам хотелось бы рассмотреть в данной статье два вопроса: 1) критерии определения в языке архаических языковых явлений и 2) типичные черты мышления древнего человека. Разумеется, речь будет идти только о структуре языка, так как рассмотрение этих вопросов применительно к лексике языка представляет совершенно особую задачу исследования.

1. К р и т е р и и о п р е д е л е н и я а р х а и ч н о с т и я з ы к о в ы х я в л е н и й. Наиболее надежным признаком архаичности языкового явления может служить его необратимость или неповторяемость в истории развития языков. Поясним это общее положение на некоторых конкретных примерах.

В пермских, как и во многих других уральских языках, существуют так называемые притяжательные суффиксы, например, коми-перм. *вон* «брат», *вон-ыт* «твой брат», *вон-ыс* «его брат». Исторически эти притяжательные суффиксы восходят к указательным местоимениям. Притяжательный суффикс 2-го лица ед. числа *-ыт* содержит тот же самый элемент *т*, что и коми-зыр. местоимение *тайӧ* «этот» (т. е. «находящийся на некотором отдалении от говорящего»). Элемент *-с*, содержащийся в составе притяжательного суффикса *-ыс*, одновременно содержится и в указательном местоимении *сиа* «тот» (т. е. «находящийся на известном расстоянии от говорящего»). Отсюда можно сделать вывод, что так называемые отношения

принадлежности, выражаемые в современных языках притяжательными местоимениями или притяжательными суффиксами, в своем генезисе являются продуктом переосмысления первоначальных пространственных отношений. «Мое» развилось из понятия «то, что находится в моей непосредственной досягаемости», «твое» — «то, что пространственно более от меня удалено», и «его» — «то, что от меня дальше всего». Как бы ни развивалось человеческое мышление и языки, их развитие никогда не дойдет до такого состояния, когда притяжательные отношения будут вновь представляться как отношения пространственные. Для развития человеческого мышления это уже пройденный этап. Поэтому языковые следы этого пройденного этапа должны рассматриваться как архаизмы.

Изучение истории грамматического строя уральских языков показывает, что в протоуральском языке существовало довольно большое количество суффиксов, выражающих различные оттенки многократного и мгновенного действия. Выводится, что по мере развития уральских языков общее количество суффиксов многократного и мгновенного действия не увеличивается. Это явление скорее деградирует, чем прогрессирует в своем развитии. Прежние значения этих суффиксов во многих случаях уже утратились, различные по своей форме суффиксы приобретают одинаковое значение. Генетически эти суффиксы восходят к суффиксам собирательной множественности предметов, количество которых также сильно сократилось, поскольку некоторые суффиксы собирательной множественности в настоящее время превратились в ряде языков в показатели абстрактной множественности. В мышлении современного человека уже нет достаточной опоры для появления в языке большого количества суффиксов многократного или мгновенного действия, или суффиксов собирательной множественности. Можно предполагать, что в развитии современных языков подобные явления больше не будут повторяться.

В некоторых языках существуют так называемые именны́е классы. Например, в языке суахили класс, характеризующийся префиксом *-m*, означает названия людей, класс с префиксом *-ki* — названия вещей, класс с префиксом *-n* характеризует названия животных, класс с префиксом *-ji* — названия плодов и т. д. Неким подобием классов языка суахили являются роды в индоевропейских языках. Любопытно отметить, что ни классы имен в африканских языках, ни роды в индоевропейских языках не представляют собой развивающиеся категории. В ряде современных языков роды совершенно исчезли. Это свидетельствует о том, что классные деления имен существительных были порождены древними особенностями человеческого мышления, когда большое внимание обращалось на специфические свойства предметов. Можно также предполагать, что в условиях жизни первобытного охотника классное деление имело определенную практическую значимость. Современное, более абстрактное мышление людей, по-видимому, в нем уже не нуждается, так как иными стали принципы классификации предметов, классы перестали быть значимыми в жизненной практике людей.

В глубокой древности от основ личных местоимений в уральских языках формы местных падежей не образовывались, потому что древние люди не могли абстрагировать пространственные отношения от атрибутов человеческого тела. Выражение «во мне», «в тебе» передавалось как «в моей внутренности», «в твоей внутренности» и т. д. В языке эта особенность нашла выражение в виде так называемых послелогов с притяжательными суффиксами, которые иногда неправильно называют послеложно-личными местоимениями. Например: коми-зыр. *вылам* «на мне», *вылад* «на тебе», *вылас* «на нем», венг. *nekem* «мне», *veled* «с тобой», *hozzám* «ко мне», *tőlem* «от меня», *nekünk* «нам», эрзя-морд. *ваксон* «рядом со

мной», *вакссот* «рядом с тобой», луг.-марийск. *воктенем* «рядом со мной».

В связи с развитием абстрактного мышления древний способ заменялся новым. Сначала были созданы гибридные образования. Например, в немецком языке послелоги с притяжательными суффиксами могут сочетаться с личными местоимениями: *мань нядан(и)* «от меня», *ныдар няданд* «от тебя», *ныда нянда* «ему» и т. д.; ср. аналогичное явление в марийском языке: луг.-марийск. *мый денем* «со мной», *мый денет* «с тобой» и т. д. В мордовских языках тоже происходила своеобразная гибридизация старого и нового способов. Здесь возможно образование форм местных падежей от личных местоимений, и к этим формам дополнительно присоединяется притяжательный суффикс: эрзя-морд. *тонь-сэ-ть* «в тебе», *сонь-сэ-нэ* «в нем», *тонь-стэ-ть* «от тебя», *сонь-стэ-нэ* «от него»; мокша-морд. *тонь-цо-т* «в тебе», *сонь-цо-нэ* «в нем», *тонь-цто-т* «от тебя», *тонь-цто-нэ* «от него». В прибалтийско-финских языках этот процесс зашел еще дальше. Например: эст. *minus* или *mis* «во мне», *temas* или *tas* «в нем», ижор. *hänéz* «в нем»; ср. паритив от личного местоимения фин. *minä* «я», *minua* «меня» (первоначально — «от меня» и т. д.).

Вряд ли можно сомневаться в том, что сам факт невозможности образования местных падежей от основ личных местоимений отражает некий древний этап развития мышления, когда оно было менее абстрактным, было связано с большей наглядностью и конкретностью. По мере дальнейшего развития уральских языков это явление не повторяется, а видоизменяется, что, по нашему мнению, свидетельствует о его архаичности.

Характерным для некоторых финно-угорских и тюркских языков является наличие так называемых мимем, или особых наречий, звуко-имитационно передающих различные особенности глагольного действия. Например, в марийском: *вуж-вуж* — о шуме ветра, *вур-вур* — о шуме колес, *вий-й-й* — о пiske комара, *гож* — о звуках при погрузке песка, *кочыр-р* — о скрипе саней, *лики-луки* — о чем-то, имеющем изгибы, *пуч* — о движениях неуклюжего человека и т. д.; в удмуртском: *дымбыр-дымбыр* — выражение шума и стука падающего твердого предмета, *жынгыр-жынгыр* — подражание колокольчику; в чувашском: *йал* — о неожиданном и энергичном воспламенении, *йарр* — о падении звезды, *танкар-танкар* — подражание журчанию воды, татар. *шатыр-шотор* — подражание звуку хрустящей травы, *ташырр* — подражание шуму мелких камней, высыпаемых на землю, *лопор-лопор* — подражание шелесту сухих листьев и т. д. Это явление также нельзя назвать перспективным в своем развитии, поскольку новые мимемы не возникают.

Указательные и вопросительные местоимения в различных языках, как правило, возникли раньше относительных. Процесс также необратимый, так как никогда не наблюдалось случаев, чтобы относительные местоимения снова превращались в указательные или вопросительные, совершенно утратив присущее им значение.

Древняя человеческая речь, по-видимому, состояла из простых предложений. Ей был чужд выраженный формальными языковыми средствами гипотаксис, хотя отдельные случаи так называемого логического гипотаксиса в ней, вероятно, были. Склонность к преимущественному употреблению простых предложений и сейчас наблюдается в некоторых речевых стилях, например, в разговорной речи. Все современные более развитые языки выработали довольно сложную систему гипотаксиса. Невозможно предположить, что человечество вновь вернется к эпохе простого предложения. Этот этап пройден. Союзы во всех языках мира являются наиболее поздно возникшей частью речи. Исторически они возникли из указательных или эмфатических частиц, наречий, местоимений и т. п. Процесс этот также необратимый, поскольку союзы не возвращаются

своему исходному состоянию (т. е. не превращаются вновь в эмфатические частицы, местоимения, наречия и т. п.).

2. Некоторые типичные черты мышления древнего человека. Если стоять на реалистической почве, то при изучении структуры различных языков о характере мышления людей древних эпох можно сказать очень немногое. С совершенной очевидностью выявляется только одно его свойство — оно было менее абстрактным по сравнению с мышлением современных людей. В этом плане само понятие абстрактности требует некоторого пояснения. Способность к абстрагированию была, конечно, свойственна и людям древних эпох. Без этой способности вообще не могло бы быть языка, поскольку каждое слово и каждая грамматическая форма могли возникнуть только на базе абстракции. Можно, однако, предполагать, что людям древних эпох не были свойственны более сложные типы абстрагирования, основанные на отвлечении от

Таблица 1

Ряд объекта	Показатель	
	ед. ч.	мн. ч.
«меня»	<i>m</i>	<i>m</i>
«тебя»	<i>t</i>	<i>t</i>
«его»	<i>s</i>	<i>s</i>

многих и притом разнородных предметов и явлений (ср., например, такие понятия, как «справедливость», «унижение», «неполнота», «неприспособленность», «множество» и т. д.). В сознании первобытного человека наиболее устойчивыми были те типы абстракции, которые базировались на постоянной повторяемости непосредственно ощущаемых предметов и явлений. Изучение истории различных языков с достаточ-

ной убедительностью подтверждает тот факт, что чем дальше мы углубляемся в древность, тем меньше обнаруживается грамматических категорий, представляющих сложные типы абстракций. Так, в истории уральских языков был период, когда форма мн. числа полностью отсутствовала. Реконструкция архаических форм мордовского объектного спряжения позволяет выявить в структуре глагольных форм показатели объекта, которые по числам не различались (см. табл. 1).

Не употребляется показатель мн. числа в косвенных падежах мн. числа так называемого неопределенного склонения в мордовских языках. Например: эрзя-морд. *Весе менелесь вельтязь потмура нельсэ* «Все небо покрылось хмурыми облаками», где слово *нельсэ* «облаками» фактически имеет форму ед. числа.

Можно также предполагать, что и личные глагольные окончания первоначально не различались по числам. На основе диалектных данных коми языка можно предположить, что в пермских языках отрицательный глагол не имел особых форм мн. числа. В верхневычегодском, летском, лузском, среднесысольском, верхнесысольском, нижневычегодском, вымском, ижемском и удорском говорах отрицательный глагол по числам не изменяется: наст. вр. ед. и мн. ч. 1-е л. *-og*, 2-е л. *-on*, 3-е л. *-oz*; прош. вр. ед. и мн. ч. 1-е л. *-eg*, 2-е л. *-en*, 3-е л. *-ez*.

Отсутствие мн. числа в древних уральских языках отражает период менее абстрактного мышления. Такой вывод подтверждается данными языков некоторых народов, стоящих на низкой ступени культурного развития: Л. Леви-Брюль утверждает, что первобытное мышление обладает способом для выражения не просто мн. числа, а различных его видов⁵⁶.

Характеризуя особенности счета у некоторых народов, стоящих на низкой стадии культурного развития, Л. С. Выготский и А. Р. Лурия замечают: «Множество воспринимается первоначально как образ какой-нибудь картины. Образ и количество еще срослись в один комплекс.

⁵⁶ Л. Леви-Брюль, указ. соч., стр. 97.

... Числительное у примитивных народов поэтому всего есть имя, которое обозначает нечто конкретное, это — числовой образ или форма, употребляемая как символ для известного множества»⁵⁷.

Действительно, в уральских языках обнаруживается довольно большое количество реликтов суффиксов собирательной множественности. Можно выделить примерно десять суффиксов собирательной множественности: *-a(-ja)*, *-č*, *-i(-j)*, *-k(-kk)*, *-l*, *-m*, *-n*, *-r*, *-š*, *-t*. Каждый из этих суффиксов, по всей видимости, присоединялся к названию определенного класса предметов⁵⁸. В дальнейшем, когда необходимость в большом количестве суффиксов собирательной множественности исчезла, они были заменены суффиксами абстрактной множественности, которые стали присоединяться к любому имени существительному.

Двойств. число как менее абстрактное и более наглядное в целом ряде языков возникло, по-видимому, значительно раньше абстрактного мн. числа. Показательной в этом отношении является история личных глагольных окончаний 1 и 2-го лиц мн.ч. *-myz(-miz)*, *-syz(-siz)* в тюркских языках, где конечный элемент *-z* по происхождению является, как полагают некоторые исследователи, суффиксом двойств. числа; ср., например: турецк. *omuz* «плечо» (первоначально: «два плеча»), татар. *mөгез* «рог, рога» (первоначально: «два рога»), турецк. *göz* «глаз» (первоначально: «два глаза») и т. д.

Конечный элемент *k* в древних формах личных окончаний 1 и 2-го лиц мн. ч. *-mek* и *-tek* в уральских языках также по происхождению является суффиксом двойств. числа; ср. фин. *jal-k-a* «нога» (первоначально «две ноги») и манс. *яла-нт-ауке* «ходить много раз», где элемент *ял* не имеет форманта *-к-*; фин. *ol-k-a* «плечо» (первоначально «два плеча»), коми-зыр. *ко-к* «нога» (первоначально: «две ноги») и т. д.

Любопытно отметить, что во всех языках новой формации двойств. число уже не образуется, поскольку современное мышление не создает благоприятных условий для существования в языке различных частных вариантов категорий множественности предметов.

Можно с полной уверенностью утверждать, что древние языки не имели большого количества залогов. Возвратный залог, выражающий менее абстрактные отношения, в истории многих языков мира возникает раньше страдательного залога. Категория страдательного залога для языков древних эпох вообще не является типичной. В индоевропейских языках страдательный залог возникает значительно позже медиума.

Установлено, например, что в языке Гомера пассив находился еще в процессе становления. В противоположность более позднему древнегреческому языку, глагольные формы с отчетливым страдательным значением встречаются у Гомера сравнительно редко⁵⁹. Не было особых форм страдательного залога и в уральском языке-основе. К протоуральской эпохе можно отнести только суффиксы, выражающие значение возвратного и побудительного залогов (каузативные глаголы). Эти факты лишней раз подтверждают несостоятельность утверждений Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова о первоначальной неосознанности субъектом своего собственного «я» и отождествлении своих действий с действием «тотема», коллектива и т. д.

То же самое следует сказать и в отношении количества наклонений. Наклонений в архаических языках, по-видимому, тоже было немного и

⁵⁷ Л. С. Выготский, А. Р. Лурья, указ. соч., стр. 105.

⁵⁸ См.: Б. А. Серебряников, Существовали ли в протоуральских языках именные классы?, ВЯ, 1969, 3, стр. 16.

⁵⁹ См.: И. А. Перельмутер. Наблюдения над интранзитивными аористами на -ην, -θην в языке Гомера, «IV конференция по классической филологии [Тбилисского гос. ун-та]. Тезисы докладов», Тбилиси, 1969, стр. 53.

раньше всего выделились наклонения, выражавшие менее абстрактные отношения. Отличительной особенностью протоуральского языка-основы была крайняя скудность наклонений: кроме повелительного и изъявительного существовало некоторое подобие желательного, или возможностного наклонения⁶⁰. Наиболее архаичный индоевропейский язык — хеттский, — не имеет никаких наклонений, кроме изъявительного и повелительного. Раньше всего возникает повелительное наклонение, затем чаще всего появляется оптатив, но ни одному историку языка не удалось пока реконструировать в плоскости праязыка условное наклонение.

По-видимому, слабо была развита в архаических языках категория времени. Видовые оттенки действия как наиболее наглядные имели в древних языках гораздо больший вес, чем в современных языках. Например, в уральских языках, показатели времени по форме совпадают с суффиксами многократного и длительного действия. Древнесемитские языки различали два времени — перфект и имперфект, которые первоначально обозначали законченное и незаконченное действие⁶¹. Глагольные времена в индоевропейских языках сначала выражали не столько время, сколько способ протекания действия⁶². Так называемый имперфект обозначал длительное действие в прошлом, а аорист служил для обозначения действия, протекание которого достигало определенного периода. В индоевропейских языках в системе презенса обнаруживается довольно значительное количество прибавляемых к основе словообразовательных суффиксов, которые первоначально, по-видимому, обозначали различные оттенки протекания действия, ср. лат. *venio*, греч. *βαίω* «иду» (из *g^{um}-jō*), др.-инд. *mṛ-nā-ti* «мелет», греч. *δάρ-υι-μι* «укрошаю», др.-инд. *str-nō-mi* «распространяю», греч. *σφό-υι-μι* и лат. *ster-nō* то же, греч. *κάρ-ω* «утомляюсь», лат. *sper-nō* «отделяю», греч. *γίγν-ω-σκω* «узнаю», др.-инд. *gaččhati* «идет» (из *g^{um}-ske-ti*) и т. д. Уральские языки отличаются наличием довольно большого количества глагольных суффиксов, обозначающих различные оттенки многократного и мгновенного действия. Все эти факты дают основание предполагать, что в мышлении людей древних эпох действие, выражаемое глаголом, оценивалось прежде всего с точки зрения его качества (Actions-art). Подтверждением такого предположения может служить и другой факт: в древних уральских и тюркских языках причастия не имели определенной временной соотнесенности. В зависимости от контекста причастие, характеризующее определенным суффиксом, могло относиться то к плоскости настоящего, то к плоскости прошедшего времени. Таковы, например, причастия на *-кан(-ган)* или *-ан* в некоторых тюркских языках. Интересны также в этом отношении некоторые образования в тюркских языках, содержащие древний суффикс отглагольного имени *-к*, способные выступать в разных значениях, например: *кесек* «кусочек» от *кес-* «резать» (т. е. первоначально «нечто отрезанное») и *қорқақ* «трусливый» от *қорқ-* «бояться»⁶³ (т. е. «тот, кто постоянно чего-нибудь боится»). Суффикс отглагольных имен *-к* был первоначально суффиксом причастия. Отражением стремления рассматривать глагольное действие со стороны его качества может служить структура глагола в абхазско-адыгских языках. Глагольные формы в языках этого типа представляют собой полисинтетические комплексы. Глагольный корень осложнен довольно большим ко-

⁶⁰ B. Collinder, *Comparative grammar of the Uralic languages*, Uppsala, 1960, стр. 246.

⁶¹ C. Brockelmann, *Semitische Sprachwissenschaft*, Leipzig, 1906, стр. 123.

⁶² H. Krahe, *Indogermanische Sprachwissenschaft*, II—Formenlehre, Berlin, 1959, стр. 51.

⁶³ Э. В. Севортян, Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, М., 1966, стр. 201, 202.

личеством суффиксов, обозначающих различные частные характеристики глагольного действия. Таков, например, кабард. *y-a-kъы-ды-д-е-з-гъэ-шы-жы-ф-а-тэ-къым* «Я тогда не мог заставить его обратно вывести тебя оттуда вместе с ними»⁶⁴.

Будущее время как более отвлеченное и абстрактное часто возникает значительно позднее по сравнению с настоящим и прошедшим временем. По утверждению индоевропейцев, индоевропейский праязык не имел специальной формы будущего времени; в финно-угорских языках настоящее время может выражать будущее время совершенного вида; в тюркских языках время с показателем *-г* в одних языках имеет значение настоящего, в других значение будущего.

В истории различных языков отмечены случаи, когда формы будущего времени возникают в результате переосмысления форм наклонения, например, в латинском формы будущего времени глаголов III склонения (типа *legam* «я буду читать», *leges* «ты будешь читать») в прошлом были формами конъюнктива. Существует предположение, что формы так называемого *с*-ового будущего времени в древнегреческом языке типа *δειξω* «я покажу», *παιδεύσω* «я буду воспитывать» и т. д. по происхождению являются формами конъюнктива *с*-ового аориста⁶⁵. В алтайском языке существует будущее время с показателем *-гай* (*алгаймын* «я возьму»). Эта же форма представлена в ранних памятниках письменности тюркских языков, где она имеет модальные значения. В то же время в большинстве тюркских языков кыпчакской группы форма на *-гай* имеет значение желательного наклонения, например; кара-калп. *алгайман* «да возьму я, возьму-ка я» или «взять бы мне» и т. д. Последнее значение является, очевидно, более ранним, тогда как значение будущего времени в некоторых тюркских языках возникло на базе первоначального значения желательного наклонения⁶⁶. Древнегрузинский язык не знал того футурума, который в новогрузинском образуется прибавлением преверба (*cers* «пишет», *daçers* «напишет»). В древнегрузинском для выражения футурума используется *conjunctivus praesentis* и *conjunctivus aoristi* *cerdes* «писал бы, напишет», *ceros* «написал бы; напишет»⁶⁷.

Объяснить более позднее происхождение форм будущего времени также трудно, если учесть, что мышление древних людей было более конкретным. Действие, выражаемое формами настоящего времени, может быть непосредственно наблюдаемо, действие плана прошлого может быть лично пережито говорящим, составлять содержание его опыта и т. д., тогда как будущее время предполагает действие планируемое, фактически еще неосуществившееся и нереальное, которое необходимо представить абстрактно. Так называемые релятивные времена типа плюсквамперфекта и времена типа перфекта в основном возникают позднее, чем формы настоящего или простого прошедшего времени.

Ярким примером большей конкретности мышления людей древних эпох является относительно позднее возникновение форм инфинитива в языках самых различных семей. Древний человек мог представить себе действие в его конкретном осуществлении. Гораздо труднее представить

⁶⁴ М. А. К у м а х о в, Типологическая характеристика слова в полисинтетических языках западного Кавказа, сб. «Лингвистическая типология и восточные языки», М., 1965, стр. 161.

⁶⁵ Н. К г а ђ е, указ. соч., стр. 85.

⁶⁶ См. об этом: Н. З. Г а д ж и е в а, Соотношение категорий времени и наклонения в тюркских языках, «Кр. сообщения Ин-та народов Азии [АН СССР]», 83, М., 1964, стр. 78.

⁶⁷ См.: С. Г. К а у х ч и ш в и л и, Греческо-грузинские и латино-грузинские грамматические параллели, «IV конференция по классической филологии. Тезисы докладов», стр. 33.

действие вообще вне времени и пространства — в этом не было практической необходимости. Чаще всего инфинитивы — это застывшие формы местных падежей, образованные от отглагольных имен существительных.

Широко известны факты развития временных отношений на базе первоначальных локативных отношений. Ряд фактов свидетельствует о том, что некоторые субъектно-объектные падежи, например, род., дат. и вин., развились на базе первоначальных локативных падежей. Есть основания предполагать, что род. падеж в уральских языках первоначально имел значение комитатива или совместного падежа (так, «дочь брата» первоначально имело значение «брат с дочерью»). Суффикс род. падежа ед. числа в индоевропейских языках по форме совпадал с суффиксом отложительного падежа или аблатива. Дат. падеж в тюркских языках имеет одновременно значение направительного падежа; индоевропейский вин. падеж, характеризующийся суффиксом *-m*, также, по-видимому, имел значение направительного падежа, ср. также реликты употребления его в старом значении, как лат. *Romam ire* «идти в Рим» или др.-инд. *gramam gaśchati* «идет в деревню».

На основании всего изложенного, конечно, нельзя сделать вывод, будто бы развитие мышления сопровождается превращением всего конкретного в абстрактное. Конкретность в одинаковой степени присуща как архаическому, так и современному мышлению. Мало того, современное мышление во многих отношениях даже более конкретно в своей детализованности, поскольку развитие науки и техники дает возможность людям знать гораздо больше о предметах и явлениях природы, чем знали их предки. Когда мы говорим о большей конкретности мышления первобытного человека, речь может идти только об отсутствии у него абстракций более высокого типа.

Если видовые различия в языках в основном предшествуют временным, то это еще не означает, что в системе глагола каждого языка должны обязательно обнаруживаться многочисленные суффиксы, имеющие значение вида (Actionsart). Тюркские языки, например, отличаются необычайной скудностью видовых суффиксов. Если уральские языки имели в прошлом большое количество суффиксов собирательной множественности, что отражает особенности более конкретного мышления древнего человека, то в индоевропейских языках суффиксов подобного рода было очень мало. Классное деление имен существительных является наиболее типичным примером, характеризующим мышление людей древних эпох. Однако в таких языках, как тюркские и монгольские, классного деления имен существительных, по-видимому, никогда не было. Инфинитивы возникли в языках относительно поздно, однако развитие романских и новогреческого языков свидетельствует о резком сокращении числа инфинитивов. В румынском и новогреческом языках инфинитив исчез полностью. Предлоги и послелоги первоначально возникли на базе знаменательных слов с конкретным значением, которое со временем частично, а в большинстве случаев полностью, утратилось. Однако превращение конкретных слов в послелоги может происходить и в более поздние эпохи, ср. бенг. *nagar madhye* «в городе» (буквально: «в середине города») и т. д. Если притяжательные отношения возникли в ряде языков на базе переосмысления пространственных отношений, то это вовсе не значит, что этот путь развития является единственным. Притяжательные отношения могли развиваться и другими путями.

О соответствиях языковых структур особенностям человеческого мышления можно говорить лишь как о результатах проявления известных тенденций, осуществление которых отнюдь не носит характера непреложных законов. Типическое состояние, которое мы называем состоянием ме-

нее абстрактного мышления, сменяется состоянием более абстрактного мышления, которое, естественно, находит отражение и в структуре языков. Ни о каких точных границах, отделяющих одно состояние развития мышления от другого, говорить не приходится. Их вообще установить невозможно.

Конкретный характер мышления человека древних эпох объясняется прежде всего тем, что оно возникло и развивалось в конкретных ситуациях: человек научился мыслить, ориентируясь в конкретной ситуации. Сначала он ориентировался в ней, повинаясь слепым силам биологических инстинктов, потом он начал ориентироваться в ней при помощи мышления. Не удивительно поэтому, что в его мышлении на первых порах главную роль играло конкретное, непосредственно наблюдаемое и ощущаемое.

Отрыв мышления от ориентировки в конкретной ситуации имел своим следствием возрастающую его абстрактность, что не могло не отразиться и на языке.

Развитие мышления — это медленный и сложный процесс превращения более простого в сложное, движение от конкретного к более абстрактному. Отражение этого процесса в структуре языка прокладывает путь через массу препятствий, вызываемых действием множества перекрывающихся и нередко противоречивых тенденций, которыми обычно характеризуется развитие структуры языка. Осложняющим моментом в данном случае является действие различных внешнеязыковых факторов.

Вместе с развитием мышления развивается и его содержательная сторона, а также основные формы — понятие, суждение и умозаключение. Развитие понятий отражается главным образом в лексике языка. Что же касается развития таких форм, как суждение и умозаключение, то его отражение можно наблюдать в синтаксисе: для языков древних эпох, по-видимому, был характерен известный атомизм в выражении суждения. Древней человеческой речи, по-видимому, было совершенно чуждо такое явление, которое носит название гипотаксиса. Речь в древности состояла главным образом из простых, формально ничем не связанных предложений. Если между такими предложениями наличествовала смысловая связь, то она выражалась чисто логически при сохранении способа простого примыкания. Этим можно объяснить относительно позднее возникновение в языках союзов и относительных местоимений. Развитие мышления потребовало более четкого языкового выражения логических связей между отдельными суждениями, благодаря чему создается целая система связующих средств, появляются системы сложных предложений и их аналогов, усложняется выражение второстепенных членов предложения за счет развития систем различных определений и т. д. Эти процессы имеют характер более выдержанных линий и проявляются во всех языках без исключения, в особенности в языках, имеющих письменность.